

ПОЛИТИКА

Л. Г. Фишман

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ СОВРЕМЕННОЕ МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ?

Ключевые слова: Современность, архаика, массовое сознание, техносфера, техника, политическое сознание, шизофреническое сознание, идеология, мифология

Вопрос, попытке ответа на который посвящена эта статья, может быть сформулирован так: существует ли собственно *современное* массовое сознание? И если существует, то какое влияние оно оказывает на социально-политические трансформации?

Исходный пункт нашего рассуждения может показаться произвольным, но, на наш взгляд, он показателен. На отечественном примере мы нередко сталкиваемся с тем, что массовое политическое сознание граждан, равно как и сознание элит, объявляется шизофреническим¹, «расколотым»². Политики и публицисты употребляют этот эпитет без оговорок. Психологи и социологи признают его метафоричность³. Но в любом случае те, кто использует эту метафору, гласно или негласно исходят из классического противопоставления обыденному массовому сознанию (как и сознанию элит) сознания «теоретического», то есть связанного и последовательного, методологически проработанного и т.д.⁴

При этом характерно, что употребляющие эпитет «шизофренический» на самом деле имеют дело не с собственно обыденным массовым сознанием россиян, а в лучшем случае только с его поверхностным слоем. Это происходит потому, что исходное противопоставление обыденного и теоретического сознания не проводится последовательно.

На уровне методологии обыденное сознание рассматривается как *неустраняемая основа* сознания политического. Общеизвестно, что обыденное сознание определяется бытием — в том смысле, что оно есть отражение повседневной практики. Считается, что это она задает большинству людей шаблоны для осмысления самых разных вопросов, в том числе социально-политических. Казалось бы, мы должны изучать именно этот слой сознания, чтобы «понять общество, в котором мы живем». Но вместо изучения того, каким образом повседневная практика определяет массовое политическое сознание, изучаются всевозможные политические мифы, которые внедряются в массовое сознание с целью манипуляции. Другими словами, в фокусе внимания оказывается поверхностный слой политического сознания (разного рода мимолетные сдвиги политических и ценностных симпатий и антипатий), исходя из противоречивого содержания которого делается вывод о его «шизофреничности». Но что скрывается под «шизофреническим сознанием»?

¹ См., напр. Кара-Мурза 2004; Политликбез 2007; Социологи 2009; Брезкун 2016; Болдырев 2016; Полищук б.г.; Политическая шизофрения б.г.

² Беспалов 2011.

³ Узлов 2009: 4—30.

⁴ См., напр. Лавриненко (ред.) 1998.

Очевидно, тот самый слой, который является основой всякого политического мышления, ибо он непосредственно укоренен в бытии.

С другой стороны, когда речь заходит об объяснении российских социально-политических трансформаций на значительных временных отрезках, игнорировавшийся при объяснении событий Современности слой массового обыденного сознания возникает вновь. Но возникает он, так сказать, в урезанном виде — как идеологизированное и мифологизированное *наследие прошлого*. Иначе говоря, не устанавливается связь между *современными* масштабными политическими трансформациями и содержанием *современных* же слоев обыденного массового сознания. Зато легко и привычно устанавливается связь таких трансформаций с тем содержанием обыденного массового сознания, которое относится почти исключительно к минувшим временам.

Таким образом, возникает впечатление, что у современного политического сознания нет никакой укорененной в материальном бытии основы. В Современности не находится констант бытия, подобных античным, средневековым и пр. Напротив, в идеально-типическом традиционном обществе без труда обнаруживаются константы бытия (природные циклы, занятие сельским хозяйством, приоритет семьи-рода и т.д.), которые определяют мышление индивидов и без труда экстраполируются в область политики. Всякого рода монархическо-деспотические традиции, к примеру, давно уже связываются с «крестьянской ментальностью». И даже когда потомки крестьян не одно десятилетие живут в городах, их политическое сознание по-прежнему продолжают объяснять все тем же традиционным наследием. Так, например, поступают приверженцы теории «колеи развития», когда пытаются объяснить перипетии отечественной истории. Подобные рассуждения встречаются, в частности, у Игоря Яковенко, согласно которому для «народа» «власть — это мистически переживаемая сущность», «государство осмысливается по модели семьи», «власть — сакральный отец» и т.д.⁵ В прошлом выявляется некая традиция, и вне зависимости от того, «европейская» она или «холопская», ей уделяется основное внимание при толковании российской Современности. В этом отношении позиция тех, кто делает упор на «европейской» традиции (как, скажем, Александр Янов), принципиально не отличается от позиции тех, кто фокусирует внимание на традиции «холопской». Не говоря уже о том, что, как справедливо замечает Эмиль Паин, обе эти позиции суть позиции «просвещенных и мудрых» «снобов», которые «живут вовсе не по холопской традиции, а по европейской, между тем как остальные (плебс, „пипл“) находятся в вечном плену холопства»⁶.

В описанной оптике Современность — не важно, «западная» или российская, — становится заметной только тогда, когда преобразуется в привычные взгляду «модерновые» («европейские») культурные формы; материальную же основу ее обычно недооценивают. Как следствие, *современное* массовое сознание, в том числе российское, воспринимается как не имеющее бытийных оснований и подверженное *определяющему* влиянию архаических, чуть ли не архетипических представлений⁷;

⁵ *Государство* 2009.

⁶ *Клямкин (ред.)* 2010: 50.

⁷ *Рязанова* 2011.

⁸ Глебова 2017: 143.

едва ли не главной его составляющей оказывается «сложный замес первобытного индивидуализма с первобытным же коллективизмом»⁸ и т.д. Очевидно, такому игнорированию собственно современных аспектов обыденного массового сознания способствует давняя традиция, при которой важнейшие константы бытия современного человека трактуются преимущественно в негативном ключе, в русле демонизации технической цивилизации — как отчуждающие, превращающие его в «das Man» по Мартину Хайдеггеру, благоприятствующие совершению жестокостей (от «Диалектики Просвещения» до «Актуальности холокоста»). Человек «индустриального типа» объявляется лишенным глубины, стандартизированным, неспособным к полноценному мышлению и потому легко отдающимся в руки разного рода манипуляторов, которые обладают доступом к его архаическому бессознательному. Ход мысли сосредотачивается на том, что индустриальный прогресс исказил в природе общества и человека. De facto получается, что Современность лишает человека именно способности мыслить присущим Современности образом. В соответствии, например, с неоинституциональным подходом все «хорошее», что есть в Современности, предстает не столько ее заслугой, сколько результатом зависимости от берущего начало в далеком прошлом направления развития социальных институтов⁹. Кроме того, принято считать, что Современность слишком «текуча»¹⁰, а значит, искать в ней какие-то константы бессмысленно. Наконец (но не в последнюю очередь), как отмечает Иван Тузовский, две крупнейшие научные парадигмы («постиндустриальная» и «информационная»), в рамках которых предполагалось описывать современные общества, моделировали еще не состоявшееся, а лишь прогнозируемое общественное устройство. Поскольку же гипотезы не вполне подтвердились, оказалось, что теорий, посвященных анализу *собственно* Современности, фактически нет и о ней трудно сказать что-то определенное. В итоге «в своих наиболее осторожных оценках реально современное, а не потенциальное будущее общество определяется как транзитивное, то есть переходное»¹¹.

⁹ Норт и др. 2011.

¹⁰ Бауман 2008.

¹¹ Тузовский 2014: 6.

Так или иначе, в собственно Современности не обнаруживаются значимых самостоятельных и позитивных факторов, формирующих массовое политическое сознание. Соответственно, не остается иного выхода, кроме как объяснять массовое сознание современного человека его архаическим содержанием, что ведет к популярности концепта «колеи», который, применительно к истории России, служит культивации исторического пессимизма¹².

¹² Корнейчук 2016: 84.

Итак, еще раз кратко опишем возникшую парадоксальную ситуацию. При объяснении масштабных социально-политических трансформаций традиционных обществ принято апеллировать к содержанию не ситуативных, но глубинных слоев массового сознания, которые, выходя на поверхность в периоды смут, раз за разом воспроизводят сходные социально-политические институты и практики. Нередко

поэтому признается, что в сфере политики теоретическое сознание, по-видимому, не имеет особых преимуществ перед обыденным, скорее наоборот. Дело выглядит так, будто ход событий определяется не высокими аспектами теоретического сознания (которое тоже противоречиво), а более глубокими пластами массового сознания, которое постоянно преодолевает привнесенные идеологические наслоения. В конце концов, многие согласятся с тем, что на протяжении столетий, вплоть до эпохи буржуазных революций, традиционное массовое сознание, несмотря на все перипетии политической, религиозной, военной борьбы, способствовало воспроизводству примерно одних и тех же политических институтов и практик — монархических, патерналистских, сословных и т.д. (например, «трехсоставного общества» эпохи европейского феодализма)¹³.

¹³ При всех резонансных сомнениях относительно полного соответствия этой идеологической схеме реальному положению вещей (см., напр., Дюби 2000: 18), понятно, что, раз эта схема работала, степень отражения ею реальности была достаточно велика.

В то же время в Современности по умолчанию не обнаруживаются собственных констант бытия, исходя из которых можно было бы *позитивно* объяснить (конечно, не исчерпывающим образом) некоторые аспекты современного же массового политического сознания и социально-политических трансформаций.

Но следует ли из этого невозможность обнаружить подобные позитивные соответствия между бытием человека в технической цивилизации и массовым политическим сознанием Современности? Современность, конечно, слишком «молода», чтобы можно было с уверенностью говорить о каких-то константах ее бытия. Тем не менее она и не настолько «текуча», чтобы в ней *совсем не успели* сформироваться определенные константы, бросающиеся в глаза. И прежде всего очевидно, что человечество (во всяком случае, когда речь идет о наиболее развитых странах) уже достаточно давно живет в условиях технической цивилизации. Пока нет оснований полагать, что в обозримом будущем характер нашей цивилизации *принципиально* изменится. Возможно, мы уже имеем дело с *характерным для Современности «эффектом колеи»* — явлением, наличие которого давно не отрицается в частности, экономистами, которые пишут о «QWERTY-эффектах» (при этом не без основания замечая, что «любой пример технологических QWERTY-эффектов обязательно имеет институциональную подоплеку, ведь конкурируют вовсе не технологии, а те организации, которые их применяют»¹⁴).

¹⁴ Нуреев 2010.

Но каковы же эти константы, эта повседневная практика, бытие, определяющее сознание наиболее непосредственным способом, от которого нельзя уклониться? Какие важные и неустранимые моменты этой практики определяют формирование обыденного сознания (переносимого и на сферу политики), характерного именно для Современности, а не унаследованного из прошлого?

Нельзя отрицать, что содержание и конфигурация обыденного сознания Современности радикально изменяются по сравнению с предшествующими эпохами, вместе с тем продолжая влиять на социальные институты и практики. Уже в эпоху ранней индустриализации трудно переоценить то безусловно позитивное, по словам Эндрю Юра, воздействие,

которое оказывает хорошо управляемая фабрика на воспроизводство человеческого общества. Технологическая специфика фабричного труда социализирует людей наилучшим образом, ибо с детства воспитывает в рабочих добродетели точности, дисциплины, взаимопомощи и поддержки, тогда как, оставаясь дома, они никогда бы не вышли за пределы примитивного и грубого быта с его эгоистической заикленностью на частных делах¹⁵. В дальнейшем в обыденное сознание Современности включаются элементы специфической научности и, главное, техничности, «механичности» и «работы», которые, в терминах Эрнста Юнгера, образуют особый «гештальт»: «Техника... есть инструментарий, проекция особого способа жизни, простейшее имя которому — работа... В нем заявляет о себе язык работы, первобытный и в то же время емкий язык, стремящийся распространиться на все, что можно мыслить, чувствовать и желать»¹⁶.

¹⁵ *Ure 1835: 419—421.*

¹⁶ *Юнгер 2000: 153, 164.*

Даже если не рассматривать среднего человека Современности как фабричного пролетария XIX в. или юнгеровского «рабочего», нельзя не признать, что он давно уже является в первую очередь обитателем техносферы¹⁷. Он живет среди техники (что гораздо важнее для него, нежели перипетии политики), об устройстве и принципах работы которой обычно почти не имеет (да и не хочет иметь) представления, питая иллюзию необязательности технических знаний¹⁸. Техника работает, если правильно ее эксплуатировать, а когда она ломается, ее нужно ремонтировать либо менять.

¹⁷ *Haff 2014.*

¹⁸ *Ильин, Оспенникова 2014: 71.*

Как бы то ни было, правомерно утверждать, что обыденное сознание, к примеру, традиционного общества не то же самое, что обыденное сознание общества современного (индустриального, информационного и т.д.). Поэтому следует предположить, что, подобно тому как в традиционном обществе приемы мышления, скажем, большими природными циклами или категориями семьи и рода переносятся на область политики, в обществах современных на нее переносятся приемы мышления, вызванного жизнью в техносфере, формируя «нулевую степень» массового политического сознания.

О содержании этой «нулевой степени» политического сознания пока можно строить только более или менее спорные предположения. Очевидно, что она содержит специфическое отношение к историческим событиям, решению социально-политических проблем, государству, политическим процессам и т.д. Его, по сути, пытался описать Хельмут Шельски, когда утверждал, что законом научно-технической цивилизации является техническая эффективность, что технологический аргумент расчищает себе путь в современном обществе невзирая ни на что, а «всевозможные же мировоззренческие спекуляции при этом играют лишь роль дополнительных мотиваций к тому, что должно произойти так или иначе»¹⁹. Он даже полагал, что человек теперь «встроен в технику», а потому проблема человеческой сущности не поддается иному решению, кроме технического. Теперь мы не политики, а «техники» — функционеры прогресса. «Место политического народного волеизъявления

¹⁹ *Цит. по: Мотрошилова (ред.) 1999.*

занимает закономерность вещей, которую сам человек производит в качестве науки и техники»²⁰.

²⁰ Цит. по: Кохановский 2003.

Разумеется, такого рода рассуждения могут показаться редукционистскими и детерминистскими. Речь, однако, идет не о жестком детерминизме, а лишь о том, что, как выразился еще Бенедикт Спиноза, «порядок и связь идей те же, что и порядок и связь вещей»²¹. Поэтому «порядок и связь вещей» способны задавать некие базовые шаблоны для осмысления реальности, но не конкретное содержание индивидуально или массового сознания. Мы, как и в случае с устоявшимся обыденным сознанием идеально-типического традиционного общества, редко когда можем уловить непосредственный выход специфически современного обыденного сознания в сферу политики «в чистом виде». Такой выход обычно опосредован как идеологией и политической мифологией, так и сменяющимися массовыми настроениями. Но это обыденное массовое сознание, по-видимому, давно уже присутствует в Современности в качестве фона, который прорывается, например, в характерной технической метафорике. Эта метафорика порой прямо, порой опосредованно отсылает к технике — через выражения вроде «государственная машина», «партийная машина», «механизмы власти», «рычаги управления» и т.д. На более глубоком уровне технический аспект Современности раскрывается в понимании техники как организованной в форме технических правил схемы деятельности, одной из главных черт которой является повторяемость и воспроизводимость. Техника предстает как деятельность, преимущественно коллективная, как «социальная технология», корни которой произрастают во многом отсюда же, откуда произрастают корни «технической технологии». «В этом смысле в принципе все равно, — замечает Виталий Горохов, резюмируя позицию ряда философов техники, — идет ли речь о технологии создания, применения и разрушения технических артефактов или же о технологии интервьюирования, интерпретации текстов, математического доказательства или актерской игры или других „социальных изобретениях“... во всех этих случаях имеется в виду техническая деятельность, сфера „технического“»²². Техносфера имеет огромное значение в глазах современных масс и вызывает больший интерес, нежели политические проблемы, ибо касается всех непосредственно. Недавняя блокировка «ВКонтакте» и «Одноклассников» на Украине породила едва ли не более острые дискуссии, чем самые горячие политические новости.

²¹ Спиноза 1957: 407.

²² Горохов 2011: 121.

Можно предположить, что если этот технический аспект Современности «устоялся», превратившись в скрытый от глаз, но неустранимый фундамент нашей повседневности и нашего обыденного мышления, то именно он в конечном счете оказывает решающее воздействие на политические институты и практики современных обществ.

Другое напрашивающееся предположение заключается в том, что такого рода базовые установки в современном обществе и определяют политическое мышление, которое в периоды относительной стабильности не интересуется всерьез доктринами, идеологемами и мифами

²³ Так, в ходе эксперимента, проведенного шведскими исследователями, выяснилось, что 69% испытуемых, ответив положительно или отрицательно на вопросы морального и политического характера, не только легко соглашались с противоположными утверждениями, но и находят своей новой точке зрения рациональные обоснования (Hall, Johansson, Strandberg 2012).

(как не заботили всерьез средневековых обывателей всевозможные ереси и официальные доктрины). Поэтому оно оперирует ими в кажущемся произвольным порядке, который представляется экспертам шизофреническим хаосом или практически полным торжеством морального релятивизма²³. Современное массовое сознание действительно не может уже воспроизводить и поддерживать (пусть даже упрощенно и огрубленно) нешизофреническую последовательность и целостность идеологий и утопий, равно как и моральных учений. Как ни парадоксально, это происходит потому, что оно стало *более современным*, чем предыдущая его версия. Поддерживавшее утопии и идеологии сознание еще в достаточной степени обладало традиционалистской религиозной целостностью и последовательностью. Это позволяло ему усваивать изначально нерелигиозные политические доктрины целостным же, хотя и квазирелигиозным образом, что превращало их в «светские религии». С окончательным распадом социальных условий, способствовавших воспроизводству традиционалистского религиозного сознания, последнее оказалось замещено обыденным сознанием человека *собственно Современности* — человека, укорененного в урбанистической и технической среде.

В том же направлении, что и политическое массовое сознание, трансформировалось «техническое» обыденное сознание. На ранних стадиях Современности обыденное сознание практически обожествляло технику, рассматривая ее как равного протагониста таких существ, как Бог и Природа. Особенно ярко это проявилось в Америке, где подобное обожествление, описываемое в терминах «технологического возвышения» (technological Sublime), стало частью «гражданской религии». В этой новой религии почитание технологии слилось с традиционным религиозным мировосприятием и национализмом и стало выполнять ту же объединяющую роль, которую играют религии в традиционных обществах²⁴. Сегодня, однако, вчерашнее технологическое божество уже в значительной мере переключалось в область банального. Человек в еще большей степени, чем прежде, погружен в техносферу и даже местами сливается с ней почти до состояния «киборга». Но при этом, как подчеркивает Эжени Шинкль, современная техника не производит такого впечатления, как технологические артефакты XIX в. Она — быстро устаревающие одноразовые объекты, которые не обладают былой символической и визуальной мощью и не являются поводами для очередного празднования триумфов человеческого разума и изобретательности; ее воздействие на человека нередко можно описать в категориях «потока» и «скуки»²⁵. При том что на протяжении последнего столетия с появлением каждой масштабной технической инновации в кругах левых интеллектуалов вспыхивали едва ли не хилиастические ожидания по поводу техники²⁶, отношение к ней на уровне массового сознания претерпело изрядную «секуляризацию». Это новое массовое сознание еще не доросло до уровня «теоретического сознания» (на что надеялись марксисты), который позволил бы

²⁴ Sacasas 2011.

²⁵ Shinkle 2010.

²⁶ Трахтенберг 2008: 246.

формировать последовательное научное мировоззрение. Но оно уже утратило способность как к обожествлению техники, так и к более или менее непротиворечивой квазирелигиозной рецепции политических доктрин.

Эта сравнительно бóльшая степень «секуляризации» обыденного сознания и производит впечатление его деградации, особенно если описывается в терминах «крушения метанарраций», «конца идеологий» и, конечно, «шизофренизации». Но если это и верно, то лишь в отношении *поверхности* массового политического сознания современного человека. Как отмечает Лев Гудков, так называемое «шизофреническое» политическое сознание — «это обычное, „нормальное“ для массового сознания состояние „мешанины“, взвесь разных по своему происхождению стереотипов, мнений, осколков идеологических представлений... Они могут упорядочиваться и приходить в какое-то подобие системы, когда общество по тем или иным причинам приводится в „возбужденное“ состояние... До момента „включения“ эти разнородные представления могут спокойно уживаться в одной голове»²⁷. К этому следует добавить, что оно является «нормальным» как раз потому, что теперь для приведения «в какое-то подобие системы» ему обязательно требуется вмешательство извне, которое на краткий момент создает иллюзию достижения былой идеологизированной непротиворечивости. Без такого вмешательства любого рода «политика» просто отбрасывается в область «мешанины», не имеющей отношения к способам мышления современного человека. Применительно к последним данное вмешательство предстает, по сути, вторжением чужеродных и уже «недостаточно современных» элементов мышления. Иными словами, под поверхностным «шизофреническим» слоем массового сознания находится «нормальный», то есть относительно непротиворечивый (в силу большей современности), слой, который когда-нибудь, став еще более «современным», послужит основой для новой реконструкции относительно непротиворечивого политического сознания.

В свое время, описывая работу современной пекарни, Ричард Сеннет заметил, что «в этом „гибком“ производстве, где рабочие, говорящие на разных языках, приходят и уходят в разное время, где принципиально отличные заказы поступают каждый день, машины — единственный реальный стандарт порядка, и они сделаны так, чтобы ими было легко управлять»²⁸. На наш взгляд, в этом пассаже в предельно общем виде отражена структура современного массового сознания с его базовым бытийным уровнем, определяемым «машинами — единственным реальным стандартом порядка», чье устройство непонятно и не требует понимания, и поверхностным «шизофреническим» уровнем, который определяется ежедневно поступающими «совершенно новыми заказами». Но то, что кажется «шизофренией», есть содержание лишь поверхностного слоя массового сознания, когда оно обращается к политическим вопросам. В своей же глубине, на «нулевом уровне политики»,

²⁷ Паин, Гудков 2016: 440—441.

²⁸ Сеннет 2004: 108.

оно достаточно последовательно. Это мышление, которое оперирует историческими событиями, символами, обрывками идеологем таким образом, что они сочетаются своими непротиворечащими друг другу сторонами (иные же просто игнорируются, ибо неинтересны или неактуальны). Такое обыденное сознание предпочитает не иметь дела с теми аспектами символов, идеологем, событий, которые противоречат друг другу. Таково же и политическое мышление элит, по крайней мере отечественных. Их отношение к истории страны как к замене устаревших гаджетов более современными вполне созвучно массовому восприятию истории и идеологем, которое можно назвать прагматико-«техническим». Так, социальные достижения советского периода осмысливаются как «технические» и «бытовые», которые могут «устареть» и столь же «технически» быть заменены более «продвинутыми».

NB! Об этом свидетельствуют, в частности, некоторые высказывания Дмитрия Медведева и Владимира Путина, например: «Мы, современные поколения российского народа, получили большое наследство. Заслуженное, завоеванное, заработанное упорными усилиями наших предшественников. Иногда ценой тяжелых испытаний и действительно страшных жертв. Мы располагаем гигантской территорией, колоссальными природными богатствами, солидным промышленным потенциалом, впечатляющим списком ярких достижений в области науки, техники, образования, искусства, славной историей армии и флота, ядерным оружием»²⁹; или «Вы знаете, как я отношусь к развалу Советского Союза. Совсем необязательно было это делать. Можно было провести преобразования, в том числе демократического характера, без этого»³⁰.

²⁹ Медведев 2009.

³⁰ Цит. по: Замахина 2016.

Не связано ли торжество такого мышления с тем, что в массовом обыденном сознании уже достаточно давно тянущейся Современности господствует не традиционное или архаическое содержание, а своего рода «миф машины»? Машины, исправно функционирующей, «современной» или неисправной и устаревшей. «Миф машины», возможно, и является нормативным базисом современного массового сознания, тем его уровнем, на котором никакая «шизофрения» невозможна.

Существует ли такое сознание в России?

Есть основания полагать, что содержание обыденного массового сознания, на которое указывает политическая метафорика советских и перестроечных времен, не утратило своего значения и сейчас. Более того, на него сегодня накладывается содержание массового сознания поколения, живущего одновременно и в «старой», и в новой — компьютеризированной (информатизированной) — техносфере. Каким образом новая техносфера определяет обыденное сознание, а через него и политическое мышление молодых поколений?

Ни в коей мере не претендуя на исчерпывающий ответ, хотим обратить внимание на то, что по крайней мере основа собственно современного российского массового сознания была заложена в XX в. Об этом свидетельствует обилие в русском языке так называемых артефактных (советское государство — «здание» или «корабль», власть — «машина», люди — «винтики»), а также пространственных (развитие государства — «движение по дороге») метафор³¹. Эта установка подразумевала как нечто самоочевидное замену «устаревшей техники» новой: «для поддержания работоспособности рассматриваемого механизма (то есть советского народа — строителя коммунизма и борца с мировым империализмом) в определенных случаях приходится закручивать гайки, менять заржавевшие и устаревшие детали, производить ремонт двигателя, коробки передач или иных быстро изнашивающихся частей машины»³². Можно предположить, что подобного рода мышление и обеспечило почву для стремительных социально-политических трансформаций в России в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Его носители сочли, что советская политическая и экономическая система слишком отстала и более не работает. Не случайно в период перестройки частотность механистических метафор вновь увеличилась³³, причем особой популярностью пользовались метафоры ржавого танка, броненосца среди пассажирских теплоходов, вообще устаревшей техники, с которой ассоциировался советский общественный строй и советское государство. Устаревшую технику следовало заменить более современной, образец которой легко обнаружился на Западе, как и прочие образцы современной техники. Показательно, что в то время было распространено и представление о том, что ученые как таковые (вне зависимости от сферы научных интересов) компетентны в политике. Это представление было одной из составляющих обыденного сознания критически мыслящих людей с хорошим (даже «слишком хорошим») советским образованием, в котором господствовал естественнонаучный подход, сочетавшийся с обыденным технопрагматическим мышлением.

Важно отметить, что в силу наличия общей основы между мышлением отечественных элит и масс нет существенной разницы. В первом десятилетии текущего века в России мы не раз наблюдали манифестации такого сознания в высказываниях ведущих политиков и государственных деятелей как по частным вопросам, так и по отношению к нашей истории в целом. В них проявлялся упомянутый выше «технический» прагматизм. Одновременно отбрасывались в качестве неактуальных и чрезмерно идеологизированные, и претендующие на объективность и научность интерпретации исторических событий. В соответствии с новыми установками, историю следовало преподавать таким образом, чтобы она работала на какие-то политические цели. Некогда популярный поиск национальной идеи превратился в факультативное, если не сомнительное занятие, ибо сама эта идея определялась потребностями момента. Не будучи однозначными противниками привнесения в массовое сознание некоей «идеологии», правящие

³¹ Подробнее см. Разинкина 2011: 26—29.

³² Чудинов 2001: 165.

³³ Там же: 166.

элиты старались не усердствовать в этом. И действительно, как только в массовое сознание начали внедряться идеологемы вроде «Русского мира», снова зашла речь о «шизофренизации» этого сознания, чреватая усилением внимания к противоречиям его поверхностного слоя на политическом уровне.

Не сталкиваемся ли мы сегодня с формированием некоей инвариантной, относительно стабильной основы действительно современного («техническо-прагматического») обыденного сознания, которое станет прорываться на поверхность в моменты социальных катаклизмов и распада идеологических надстроек и воспроизводить привычные для него социальные отношения и политические институты и практики, как это происходило с обыденным сознанием традиционного общества? И не было ли крушение советского строя первым социальным катаклизмом такого рода, в котором обыденное сознание Современности в «чистом виде» на миг показало свое лицо?

Разумеется, лицо это в «текущей современности» не остается неизменным. На наших глазах базовый для обыденного сознания Современности «миф машины», так сказать, «проапгрейдили» до «мифа компьютера», тем самым ознаменовав переход этого сознания от версии 1.0 к версии 2.0. Характерно, что, в отличие от ставшей уже привычной «машинной» среды, новая компьютерная («информационная», «интернет-») среда рассматривается как фактор, непосредственно определяющий массовое сознание, особенно с позиций старших поколений, которым кажется, что их дети слишком много «сидят в интернете», что им там «промыывают мозги», что у них возникает «интернет-зависимость» и т.д. В то же время не вызывает сомнений, что компьютерная среда оказывает и будет оказывать определяющее воздействие на формирование новых поколений, на их навыки социальной адаптации, стиль мышления и т.п. Как замечает Марк Сандомирский, «компьютер... становится для IT-ребенка естественной и неотъемлемой частью мира, если их первое знакомство друг с другом происходит в особый восприимчивый (на языке психологии — сензитивный) период детского развития... Вот так и выходит, что новое поколение, которое пока еще копается в песочнице или ходит пешком под стол, будет не поколением „Пепси“ и не поколением Next, а поколением IT. От рутинного интеллекта будем переходить, так сказать, к „айти“ ллекту»³⁴. Проблема в том, что позитивные аспекты мышления нового «технологического» поколения приходится вычлнять из негативистских критических описаний, появление которых, с одной стороны, естественно, а с другой — препятствует формированию объективной картины³⁵. Для создания последней следовало бы, например, «посмотреть на геймеров, принимая во внимание технологию, которая стала частью их существа»³⁶.

Чем отличается обыденное сознание Современности версии 2.0 от его «базового» варианта? Здесь нам поневоле придется ограничиться несколькими предварительными ответами. В частности, мы можем

³⁴ Сандомирский 2007.

³⁵ *Предвзятость, помноженная на конъюнктурную политическую риторику, доходит до абсурда: «„Общайся с людьми, которые играют в ту же игру, а не живут в той же стране или вращаются в той же среде. Мир игры един“. Выходит, компьютерные игры — мощное орудие глобализации, а не только способ аутизации и вышибания из активной общественно-полезной деятельности огромной части молодежи! И все это под видом невинных детских забав... Да, недаром над глобалистским проектом трудилось и трудится столько социологов, психологов и психиатров!» (Шишова б.г.).*

³⁶ Бек, Уэйд 2006.

предположить, что эта версия обыденного сознания несколько меньше поддается манипуляции, по крайней мере в привычном смысле. Критически настроенное по отношению к «компьютерному поколению» старшее поколение, живущее в парадигме «мифа машины», в этом плане не имеет преимуществ перед своими детьми. Скорее наоборот.

«Миф машины», лежащий в основании Современности, все еще одномерен. Не обязательно понимать, как машина функционирует, — точнее, такое понимание не является критически важным. «Миф компьютера» уже сложнее; у него как минимум два измерения. Он включает в себя разделение на «железо» и «софт», а живущие внутри него осведомлены, что машина *действует по вложенной в нее программе*. Если компьютер сбоят и зависает, это значит, что проблема, вероятнее всего, в «софте». Массовое сознание докомпьютерных времен такого разделения не знало, что обуславливало уже на уровне бытовых представлений бóльшую уязвимость к манипуляции. Аналогами «софта» в политике выступают отчасти политические технологии, отчасти идеологии. Человек, живущий в парадигме «мифа машины» (то есть базовой версии современного обыденного сознания), редко когда отдает себе отчет, что становится объектом манипуляции. Он, конечно, может почерпнуть из литературы или откуда-то еще чисто теоретическое представление о возможности манипулирования, но в быту не сталкивается с таким его аналогом, как вредоносный «софт», который, что важно, может быть внедрен непрямым и неочевидным способом. Носитель же последней версии современного обыденного сознания имеет с ним дело постоянно. К тому же в эпоху господства информационных технологий собственное сознание и является главным объектом преобразовательной деятельности человека. Возможно, что именно *наличие этого зазора между «железом» и «софтом», отразившееся в обыденном сознании эпохи «мифа компьютера», и содержит в себе действительную предпосылку «конца идеологий», который несколько преждевременно предсказывали в середине прошлого века*.

Дополнительной защитой современного обыденного сознания от манипуляций служат также новые информационные технологии, благодаря которым «народ» впервые смог заговорить своим голосом, не пропущенным через разного рода социальные и культурные фильтры. Как отмечает Денис Драгунский, в прежние времена «горизонтального взгляда народа на народ не было — такой взгляд был технически невозможен. Был взгляд элиты на народ и взгляд народа на элиту, которая говорила ему, что он, дескать, „народ“ и мыслит как надо, то есть „народно“. Народ был вынужден верить, потому что иного опыта у народа не было. В непосредственном опыте у народа была семья, родственники, соседи, в лучшем случае, начиная с XIX в., — сослуживцы. Это был узкий круг физически близких людей, и они были локализованы в данном месте. А вот теперь „Одноклассники“, „ВКонтакте“ и „Фейсбук“ позволили широко народным массам смотреть друг на друга через города и регионы»³⁷.

³⁷ Драгунский 2017.

Из приведенных выше соображений, разумеется, отнюдь не следует, что носители последней версии современного обыденного сознания полностью защищены от манипуляций. Однако у «поколения геймеров» сформировались несколько иные навыки обучения и самообразования, которые, судя по всему, дают ему некоторые преимущества перед предшествующими поколениями.

NB! Как подчеркивают Джон Бек и Митчел Уэйд, «игры создали совершенно новый способ обучения, в котором:

- агрессивно игнорируются инструкции в любом виде;
- используется прежде всего метод проб и ошибок (ведь за поражение не надо платить, просто нажимаешь кнопку „начать заново“);
- есть масса возможностей учиться у сверстников, но не у авторитетных людей;
- информация поглощается крошечными порциями и только тогда, когда этого хочет игрок, то есть, как правило, тогда, когда нужен новый навык»³⁸.

³⁸ Бек, Уэйд 2006.

Сознание современной молодежи труднее шизофренировать обычным способом — путем привнесения некоторого количества объективно противоречащих друг другу мифов и идеологем. Постсоветское «технологическое» (то есть собственно «современное») поколение в этом смысле было более уязвимым: в период краха СССР имелись ранее запретные и потому привлекательные идеологические рецепты (либеральные), активно использовавшиеся при сломе советских социально-политических институтов. Однако теперь «западный либеральный миф» утратил свою свежесть, давно став частью официальной мифологии, в которой лояльное большинство описывается как «патриоты» и «державники», а оппозиционное меньшинство — как «либералы» и «пятая колонна». Технопрагматизм молодежи отторгает эту мифологию, как и в целом популизм тех, кто все еще пытается индоктринировать новое поколение при помощи старых политтехнологий. Предлагаемый государством идеологический «софт» все больше воспринимается как «глухой» и устаревший. Он не работает, но заменить его пока нечем, ибо известные идеологии доверия не вызывают. Не вызывают доверия и идеологии официальных противников нынешнего российского государства — в эпоху интернета возможности для идеализации этих идеологий, равно как и их носителей, заметно сокращаются. Поэтому те же протесты 26 марта и 12 июня 2017 г., возможно, следует рассматривать как манифестацию последней версии современного обыденного сознания, которое инстинктивно отторгает архаический идеологический «софт» и дистанцируется от пронизанной им коррумпированной (то есть, буквально, испорченной) государственной *машины*.

NB! «Идеи молодых протестующих нельзя описать настолько четко, чтобы повесить какой-то идеологический ярлык, — отмечает Андрей Скляр. — Но вырисовывается следующее: главная цель

поколения — чтобы от них отстали. Отстало государство с промышленным мозгом, отстали старшие товарищи и родители, желающие учить их жить, отстали ханжи и моралфаги, которые только и делают, что навязчиво лезут к ним в комнаты и трусы, а тем более — назначают смотрящего за ними... Это не либертарианство, не нацдемпейство, не альт-райт, не неокон. Идеологией современной молодежи можно назвать радикальный либерализм без законов и загонов, выраженный в одном простом слове — „Свобода“»³⁹.

³⁹ Складов 2017.

Другой формой такого отторжения, по-видимому, можно считать так называемые «монстрации» с их набором внешне абсурдных лозунгов, которые, как полагает Алексей Юрчак, являют собой отрицание мифоидеологических конструкций, структурирующих российское политическое поле⁴⁰. В условиях нарастающего отторжения этих конструкций правомерно ожидать, что при обострении политических кризисов масштабные социально-политические трансформации будут определяться не ими, а требующим изучения слоем все более «современного» обыденного массового сознания. В том же случае, когда мы обнаруживаем в массовом сознании своих современников аналогичные архаическим и традиционным элементы, уместно задаться вопросом: а не вырастают ли они на основе, уже принципиально отличающейся от старой, хотя, возможно, и имеющей с ней *внешнее* сходство? Действительно, обретая еще более тесную, чем прежде, зависимость от техносферы, современный человек оказывается в мире непонятного и непостижимого, подобного таинственному миру природы с его духами и богами, в котором жили наши далекие предки. Разумеется, в такой ситуации могут появляться и квазиархаические элементы обыденного сознания, которые к тому же могут использовать символику «старой» архаики. Но ощущение непостижимости мира, истоком которого служит обитание в новой техносфере, уже лишено трансцендентности. Да и на самом деле мы знаем, что среда нашего обитания постижима — не нами, так компетентными людьми, которые при необходимости починят нам то, что сломалось.

⁴⁰ Юрчак 2016.

Собственно современное обыденное сознание еще находится в процессе становления, направление которого сегодня можно только пытаться угадать, описывая его преимущественно негативным образом. Относительно уверенно можно лишь утверждать, что если новейшее обыденное сознание и наводит на мысль об архаике или о «новом Средневековье», то это не более чем поверхностное сходство. И в масштабах *longue durée* от него можно ожидать (в худшем случае) лишь внешне схожих политических, институциональных и прочих последствий.

Завершая, следует подчеркнуть, что факторы, определяющие формирование современного массового сознания, бесспорно, не сводятся к сугубо техническим: последние просто выступают на первый план и закономерно оказываются в центре внимания, когда речь заходит о собственно Современности. Как бы то ни было, различные аспекты

собственно современного массового сознания ждут своего осмысления, которое вряд ли возможно в рамках дискурсов, почти полностью сфокусированных на прошлом.

Библиография

- Бауман** З. 2008. *Текущая современность*. — СПб.
- Бек** Дж., Уэйд М. 2006. *Доигрались! Как поколение геймеров навсегда меняет бизнес-среду*. — М. (<http://www.rulit.me/books/doigralis-kak-pokolenie-gejmerov-navsegda-menyayet-biznes-sredu-read-408571-1.html>).
- Беспалов** Ю.В. 2011. Массовое сознание российского общества: проблемы и перспективы // *Вестник Воронежского государственного технического университета*. Т. 7. № 9.
- Болдырев** Ю. 2016. Дербанизация вся Руси? // *Свободная пресса*. 31.03 (<http://svpressa.ru/economy/article/145589/>).
- Брезкун** С.Т. 2016. Политическая шизофрения Кремля на примере «единоросса» Мединского // *Политическое просвещение*. № 1 (90) (<http://www.politpros.com/journal/read/?ID=5112&journal=188>).
- Глебова** И. 2017. О Великой войне, национальной мифологии и современном российском обществе // *Политическая концептология*. № 1.
- Горохов** В.Г. 2011. Понятие «технология» в философии техники и особенность социально-гуманитарных технологий // *Epistemology & Philosophy of Science*. Vol. 28. № 2.
- Государство и народные массы в России: Стенограмма круглого стола**. 2009 (https://www.hse.ru/data/2010/04/20/1216859290/Yakovenko_gosudarstvo_narodnye_massy_01072009.pdf).
- Драгунский** Д. 2017. Вышли массы на трибуну // *Gazeta.ru*. 20.04 (<https://www.gazeta.ru/comments/column/dragunsky/10635011.shtml>).
- Дюби** Ж. 2000. *Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом*. — М.
- Замахина** Т. 2016. Путин: СССР не надо было разваливать // *Российская газета*. 23.09 (<https://rg.ru/2016/09/23/reg-cfo/putin-sssr-nenado-bylo-razvalivat.html>).
- Ильин** И.В., Оспенникова Е.В. 2014. Принцип политехнизма в обучении физике в контексте современных представлений о структуре техносферы // *Педагогическое образование в России*. № 1.
- Кара-Мурза** С.Г. 2004. Советский проект и крах СССР // *Восток*. № 11 (23) (http://www.situation.ru/app/j_art_672.h).
- Клямкин** И.М. (ред.) 2010. *Европейский выбор или снова «особый путь»? — М.*
- Корнейчук** Б.В. 2016. «Эффект колеи» в контексте эволюционной теории экономических изменений // *Terra Economicus*. Т. 14. № 1.
- Кохановский** В.П. 2003. *Философия: Учебное пособие*. — Ростов-на-Дону (<http://www.studfiles.ru/preview/4410508/page:53/>).
- Лавриненко** В.Н. (ред.) 1998. *Философия: Учебник*. — М. (<http://www.booksshare.net/index.php?author=lavrinenkovn&book=1998&category=philosophy&id1=4&page=152>).

Медведев Д.А. 2009. *Россия, вперед!* (<http://www.kremlin.ru/events/president/news/5413>).

Мотрошилова Н.В. (ред.) 1999. *История философии: Запад — Россия — Восток. Кн. 4: Философия XX в.* — М. (<http://lib.co.ua/philosophy/unknown/istorijafilosofiiizapadIII.p26.jsp>).

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. 2011. *Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества.* — М.

Нуреев Р.М. 2010. Институциональная среда российского бизнеса — эффект колеи // *Журнал институциональных исследований. Journal of Institutional Studies* Т. 2. № 2 (<http://ecsocman.hse.ru/data/2010/12/25/1214866339/JIS2.2-2.pdf>).

Паин Э.А., Гудков Л.Д. 2016. В ожидании чуда: российское общество после крымских событий // Макаренко В.П. (ред.) *Россия — Украина: пересмотр или воспроизводство политических парадигм?* — Ростов-на-Дону.

Политическая шизофрения: Передача «Обретение смыслов» (<http://gusrand.ru/tv/meaning/politicheskaja-shizofrenija>).

Политликбез по шизофрении: Беседа с психиатром Татьяной Крылатовой. 2007 // *Православие.ru*. 1.10 (<http://www.pravoslavie.ru/4765.html>).

Полищук Ю. *Деградация русского народа* (<http://lindex-ru.org/Lindex1/Shire01/Est01/0040.htm>).

Разинкина Н.С. 2011. Концептуальная метафора в русском языке советского периода (1917—1956 гг.) // *Вестник Томского государственного университета*. № 344.

Рязанова С.В. 2011. Архаические образы в политическом сознании в условиях демократии // *Политэкс.* Т. 7. № 3.

Сандомирский М. 2007. Человек и компьютер: «айти»-ллект компьютерного поколения // *Психологическая газета*. 14.02 (<http://psy.su/feed/2009/>).

Сеннет Р. 2004. *Коррозия характера.* — Новосибирск.

Скляр А. 2017. Поколение мессенджеров // *Руфабула*. 31.03 (<https://rufabula.com/author/sklyarov/1557>).

Социологи: у россиян — «шизофрения массового сознания». 2009 (<http://www.liveinternet.ru/users/2503040/post112801013/>).

Спиноза Б. 1957. *Избранные произведения: В 2 т.* Т. 1. — М.

Трахтенберг А.Д. 2008. Интернет как возвышенный объект идеологии в антикапиталистической риторике // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН*. Вып. 8.

Тузовский И.Д. 2014. *Утопия-XXI: Глобальный проект «Информационное общество»*. — Челябинск.

Узлов Н.Д. 2009. *Шизофрения как клинический и культурный феномен: к проблеме шизофренизации массового сознания.* — Пермь.

Чудинов А.П. 2001. *Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000)*. — Екатеринбург.

Шишова Т.Л. *Изменит ли поколение геймеров нашу жизненную среду?* (<http://www.portal-slovo.ru/pedagogy/38105.php>).

Юнгер Э. 2000. *Рабочий: Господство и геистальт.* — СПб.

Юрчак А. 2016. *Монстрация: смысл, абсурд и политическое высказывание в сегодняшней России* (https://www.youtube.com/watch?v=WzKKBXzce_0).

Haff P. 2014. Humans and Technology in the Anthropocene: Six Rules // *The Anthropocene Review*. 28.04 (<http://pne.people.si.umich.edu/PDF/Haff%202014%20Humans%20and%20Technology%20in%20the%20Anthropocene.pdf>).

Hall L., Johansson P., Strandberg T. 2012. Lifting the Veil of Morality: Choice Blindness and Attitude Reversals on a Self-Transforming Survey // *Plos.* 19.09 (<http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0045457>).

Sacasas L.M. 2011. *American Technological Sublime: Our Civil Religion* (<https://thefrailestthing.com/2011/10/21/american-technological-sublime-our-civil-religion/>).

Shinkle E. 2010. Video Games and the Technological Sublime // *Tate Papers*. № 14 (<http://www.tate.org.uk/art/research-publications/the-sublime/eugenie-shinkle-video-games-and-the-technological-sublime-r1136830>).

Ure A. 1835. *The Philosophy of Manufactures: Or, an Exposition of the Scientific, Moral, and Commercial Economy of the Factory System of Great Britain.* — L.

References

Bauman Z. 2008. *Tekuchaja sovremennost'.* — SPb.

Beck J., Wade M. 2006. *Doigralis'! Kak pokolenie gejmerov navsegda menyaet biznes-sredu.* — M. (<http://www.rulit.me/books/doigralis-kak-pokolenie-gejmerov-navsegda-menyaet-biznes-sredu-read-408571-1.html>).

Bespalov Yu.V. 2011. Massovoe soznanie rossijskogo obshchestva: problemy i perspektivy // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. T. 7. № 9.

Boldyrev Yu. 2016. Derbanizacija vseja Russi? // *Svobodnaja pressa*. 31.03 (<http://svpressa.ru/economy/article/145589/>).

Brezkun S.T. 2016. Politicheskaja shizofrenija Kremlja na primere «edonorossa» Medinskogo // *Politicheskoe prosveshchenie*. № 1 (90) (<http://www.politpros.com/journal/read/?ID=5112&journal=188>).

Chudinov A.P. 2001. *Rossija v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991—2000).* — Ekaterinburg.

Dragunsky D. 2017. Vyshli massy na tribunu // *Gazeta.ru*. 20.04 (<https://www.gazeta.ru/comments/column/dragunsky/10635011.shtml>).

Duby G. 2000. *Trekhchastnaya model', ili Predstavleniya srednevekovogo obshchestva o sebe samom.* — M.

Glebova I. 2017. O Velikoj vojne, nacional'noj mifologii i sovremennom rossijskom obshchestve // *Politicheskaja konceptologija*. № 1.

Gorokhov V.G. 2011. Ponjatie «tehnologija» v filosofii tekhniki i osobennost' social'no-gumanitarnyh tekhnologij // *Epistemology & Philosophy of Science*. Vol. 28. № 2.

Gosudarstvo i narodnye massy v Rossii: Stenogramma kruglogo stola. 2009 (https://www.hse.ru/data/2010/04/20/1216859290/Yakovenko_gosudarstvo_narodnye_massy_01072009.pdf).

Haff P. 2014. Humans and Technology in the Anthropocene: Six Rules // *The Anthropocene Review*. 28.04 (<http://pne.people.si.umich.edu/PDF/Haff%202014%20Humans%20and%20Technology%20in%20the%20Anthropocene.pdf>).

Hall L., Johansson P., Strandberg T. 2012. Lifting the Veil of Morality: Choice Blindness and Attitude Reversals on a Self-Transforming Survey // *Plos*. 19.09 (<http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0045457>).

Il'in I.V., Ospennikova E.V. 2014. Princip politekhnizma v obuchenii fizike v kontekste sovremennyh predstavlenij o strukture tekhnosfery // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. № 1.

Jünger E. 2000. *Rabochij: Gospodstvo i gestalt*. — SPb.

Kara-Murza S.G. 2004. Sovetskij proekt i kraj SSSR // *Vostok*. № 11 (23) (http://www.situation.ru/app/j_art_672.h).

Kliamkin I.V. (ed.) 2010. *Evropejskij vybor ili snova «osobyj put»?* — M.

Kohanovsky V.P. 2003. *Filosofija: Uchebnoe posobie*. — Rostov-na-Donu (<http://www.studfiles.ru/preview/4410508/page:53/>).

Kornejchuk B.V. 2016. «Effekt kolei» v kontekste ehvoljucionnoj teorii ehkonomicheskikh izmenenij // *Terra Economicus*. T. 14. № 1.

Lavrinenko V.N. (ed.) 1998. *Filosofiya: Uchebnik*. — M. (<http://www.booksshare.net/index.php?author=lavrinenkovn&book=1998&category=philosophy&id1=4&page=152>).

Medvedev D.A. 2009. *Rossiya, vpered!* (<http://www.kremlin.ru/events/president/news/5413>).

Motroshilova N.V. (ed.) 1999. *Istoriya filosofii: Zapad — Rossiya — Vostok. Kn. 4: Filosofiya XX v.* — M. (<http://lib.co.ua/philosophy/unknown/istorijafilosofiiizapadIII.p26.jsp>).

North D., Wallis J., Weingast B. 2011. *Nasilie i social'nye poryadki: Konceptual'nye ramki dlya interpretacii pis'mennoj istorii chelovechestva*. — M.

Nureev R.M. 2010. Institucional'naja sreda rossijskogo biznesa — ehffekt kolei // *Journal of Institutional Studies*. T. 2. № 2 (<http://ecsocman.hse.ru/data/2010/12/25/1214866339/JIS2.2-2.pdf>).

Pain E.A., Gudkov L.D. 2016. V ozhidanii chuda: rossijskoe obshchestvo posle krymskikh sobytij // Makarenko V.P. (eds.) *Rossiya — Ukraina: peremotr ili vosproizvodstvo politicheskikh paradigm?* — Rostov-na-Donu.

Polishchuk Yu. *Degradacija russkogo naroda* (<http://lindex.ru.org/Lindex1/Shire01/Est01/0040.htm>).

Politicheskaja shizofrenija: Peredacha «Obretenie smyslov» (<http://rusrand.ru/tv/meaning/politicheskaja-shizofrenija>).

- Politikbez** po shizofrenii: Beseda s psihiatrom Tat'yanoj Krylatovoj. 2007 // *Pravoslavie.ru*. 1.10 (<http://www.pravoslavie.ru/4765.html>).
- Razinkina** N.S. 2011. Konceptual'naya metafora v russkom yazyke sovetского периода (1917—1956 gg.) // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 344.
- Ryazanova** S.V. 2011. Arhaicheskie obrazy v politicheskom soznanii v uslovijah demokratii // *Politeks*. T. 7. № 3.
- Sacasas** L.M. 2011. *American Technological Sublime: Our Civil Religion* (<https://thefrailestthing.com/2011/10/21/american-technological-sublime-our-civil-religion/>).
- Sandomirsky** M. 2007. Chelovek i komp'yuter: «ajti»lekt komp'yuternogo pokolenija // *Psikhologicheskaja gazeta*. 14.02 (<http://psy.su/feed/2009/>).
- Sennett** R. 2004. *Korroziya haraktera*. — Novosibirsk.
- Shinkle** E. 2010. Video Games and the Technological Sublime // *Tate Papers*. № 14 (<http://www.tate.org.uk/art/research-publications/the-sublime/eugenie-shinkle-video-games-and-the-technological-sublime-r1136830>).
- Shishova** T.L. *Izmenit li pokolenie gejmerov nashu zhiznennuyu sredu?* (<http://www.portal-slovo.ru/pedagogy/38105.php>).
- Sklyarov** A. 2017. Pokolenie messendzherov // *Rufabula*. 31.03 (<https://rufabula.com/author/sklyarov/1557>).
- Sociologi: u rossijan** — «shizofreniya massovogo soznaniya». 2009 (<http://www.liveinternet.ru/users/2503040/post112801013/>).
- Spinoza** B. 1957. *Izbrannye proizvedenija: V 2 t.* T. 1. — M.
- Trakhtenberg** A.D. 2008. Internet kak vozvyshennyj ob'ekt ideologii v antikapitalisticheskoy ritorike // *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya RAN*. Vyp. 8.
- Tuzovsky** I.D. 2014. *Utopiya-XXI: Global'nyj proekt «Informacionnoe obshchestvo»*. — Chelyabinsk.
- Ure** A. 1835. *The Philosophy of Manufactures: Or, an Exposition of the Scientific, Moral, and Commercial Economy of the Factory System of Great Britain*. — L.
- Uzlov** N.D. 2009. *Shizofrenija kak klinicheskij i kul'turnyj fenomen: k probleme shizofrenizacii massovogo soznaniya*. — Perm'.
- Yurchak** A. 2016. *Monstraciya: smysl, absurd i politicheskoe vyskazyvanie v segodnyashnej Rossii* (https://www.youtube.com/watch?v=WzKKBXzce_0).
- Zamakhina** T. 2016. Putin: SSSR ne nado bylo razvalivat' // *Rossijskaj gazeta*. 23.09 (<https://rg.ru/2016/09/23/reg-cfo/putin-sssr-ne-nado-bylo-razvalivat.html>).